

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 92–101.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 92–101.

Научная статья

УДК 327(470+510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/92-101>

Вакцинная дипломатия России и Китая как маркер сотрудничества государств в сфере достижения параметров устойчивого развития

Алёна Дмитриевна Наливкина

Северо-Западный институт управления РАНХиГС,

Санкт-Петербург, Российская Федерация,

✉ nalivkinaad@yandex.ru

Аннотация. Статья нацелена на прояснение феномена вакцинной дипломатии России и Китая как инструмента политики «мягкой силы» и формы публичной дипломатии в контексте достижения целей устойчивого развития. Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что вакцинная дипломатия, испытав небывалый подъём в период коронавирусной пандемии, всё ещё остаётся недостаточно изученным политическим феноменом в системе современных международных отношений. При написании статьи автор опирался на теоретико-методологические положения концепции «мягкой силы» Дж. Ная и доктрины публичной дипломатии в мировой политике. Также применение нашёл статистический метод для анализа процесса производства противокоронавирусных вакцин и их распространения. Вакцинная дипломатия Россия и Китая представлена в общем контексте трансформации современной модели международных отношений, побуждающей ведущие государства современности уделять значительное внимание проблематике устойчивого развития как средства формирования своего положительного имиджа. В статье обосновывается необходимость углубления сотрудничества Китая и России в рамках вакцинной дипломатии для противодействия распространению собственной фармацевтической продукции со стороны западных государств.

Ключевые слова: вакцинная дипломатия, пандемия, концепция устойчивого развития, мягкая сила, публичная дипломатия

Для цитирования: Наливкина А.Д. Вакцинная дипломатия России и Китая как маркер сотрудничества государств в сфере достижения параметров устойчивого развития // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 92–101.

Original article

Vaccine diplomacy of Russia and China as a marker of cooperation of states in achieving sustainable development parameters

Alena D. Nalivkina

North-West Institute of Management RANEPА,
Saint Petersburg, Russian Federation

✉ nalivkinaad@yandex.ru

Abstract. The article is aimed at clarifying the phenomenon of vaccine diplomacy between Russia and China as an instrument of “soft power” policy and a form of public diplomacy in the context of achieving sustainable development goals. The relevance of the stated topic is due to the fact that vaccine diplomacy, having experienced an unprecedented rise during the coronavirus pandemic, still remains an insufficiently studied political phenomenon in the system of modern international relations. When writing the article, the author relied on the theoretical and methodological provisions of the concept of “soft power” by J. Naya and the doctrines of public diplomacy in world politics. A statistical method has also been used to analyze the production of anti-coronavirus vaccines and their distribution. Vaccine diplomacy between Russia and China is presented in the general context of the transformation of the modern model of international relations, prompting the leading states of our time to pay significant attention to the problems of sustainable development as a means of forming their. The article substantiates the need to deepen the cooperation between China and Russia in the area of vaccine diplomacy to counter the spread of pharmaceutical products by Western states.¶

Keywords: vaccine diplomacy, pandemic, concept of sustainable development, soft power, public diplomacy

For citation: Nalivkina A.D. Vaccine diplomacy of Russia and China as a marker of cooperation of states in achieving sustainable development parameters. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2025, vol. 27, no. 1, pp. 92–101. (In Russ.).

Введение

Концепция устойчивого развития является значимым фактором развития современных международных отношений, так как она объединяет социальные, экономические и экологические аспекты в единую стратегию для достижения долгосрочной стабильности на глобальном уровне. Триединая концепция устойчивого развития включает в себя экономическую эффективность, социальную справедливость и охрану окружающей среды. Консолидация этих факторов позволяет государствам

разрабатывать политику, направленную на гармоничное развитие общества, как на национальном уровне, так и в мировом масштабе. В основе концепции лежит, как отмечает С.Н. Бобылев, принципиальное убеждение, «что экономическую устойчивость нельзя обеспечить, не решив социальные и экологические проблемы» [1, с. 91].

Организация Объединённых Наций (далее – ООН) традиционно уделяет особое внимание имплементации положений концепции устойчивого развития в свои руководящие документы и стратегии. ООН активно продвигает идеи устойчивого развития через свои инициативы, что наиболее отчётливо проявляется в стратегиях решения самых острых международных проблем, включая бедность, голод и изменение климата. Россия и Китай, как постоянные члены Совета Безопасности ООН, активно поддерживают концепцию устойчивого развития, объединяя свои усилия в различных сферах двустороннего взаимодействия.

Роль концепции устойчивого развития в публичной дипломатии России и Китая. Современные международные отношения характеризуются активным применением инструментов политики «мягкой силы» и публичной дипломатии. Теоретическая концепция политики «мягкой силы», разработанная американским политологом Дж. Наем, подразумевает способность стран привлекать и убеждать других посредством культурных, идеологических и дипломатических средств.

Концепт «мягкой силы» позволяет странам воздействовать на зарубежные аудитории посредством трансляции собственных ценностей, интегрированных в глобальную повестку устойчивого развития.

Например, страны, активно продвигающие устойчивое развитие через использование возобновляемых источников энергии и экологически чистых технологий, формируют свой положительный имидж для расширения влияния на международной арене. Современные государства находят в этом мощный инструмент реализации политики «мягкой силы» и публичной дипломатии, реализуя в своей внешней политике «невоенные методы воздействия на противоположную сторону» [2, с. 213]. Сотрудничество на различных уровнях (будь то через многосторонние соглашения или двусторонние инициативы) укрепляет международные связи, а успешное применение «мягкой силы» в контексте устойчивого развития не только повышает авторитет страны, но и способствует решению актуальных вызовов, стоящих перед человечеством.

Вакцинная дипломатия как инструмент достижения целей устойчивого развития. Вакцинная дипломатия представляет собой одну из наиболее актуальных форм публичной дипломатии, позволяющих государствам укреплять свои международные позиции. В условиях глобальных вызовов, таких как пандемия коронавируса, вакцинация приобрела особое значение, поскольку государства, обладающие возможностью разработки и производства вакцин, стали использовать этот ресурс как инструмент для укрепления двусторонних и многосторонних отношений.

Негативная же сторона вакцинной дипломатии заключается, как отмечает К.В. Маслова, «в проведении информационных кампаний по дискредитации одних и поддержке других производителей вакцин» [3, с. 533].

Актуализация вакцинной дипломатии в условиях коронавирусной пандемии подтвердила стремление передовых держав, способных к прорывным фармацевтическим разработкам, активно предлагать свои вакцины другим государствам, особенно тем, которые испытывают затруднения в доступе к таким продуктам. В рамках обеспечения достижения целей устойчивого развития ООН стоит отметить, что распространение вакцин не только способствует борьбе с инфекцией, но и демонстрирует способность стран обеспечивать другие государства жизненно важными препаратами. Ведущие фармацевтические державы современности «заинтересованы в формировании позитивного имиджа в мире, и создание образа “спасателя” является одной из ключевых внешнеполитических задач» [4, с. 37].

Распространение вакцин стало мощным средством для формирования положительного имиджа государств, поскольку успехи в сфере разработки, производства и поставок вакцин способствовали укреплению доверия к странам-производителям. Всё это в совокупности способствовало улучшению их репутации на международной арене. Вакцинная дипломатия позволяет укреплять связи с развивающимися странами, обеспечивая им медицинскую помощь. Стратегии вакцинной дипломатии играют ключевую роль в укреплении позиций государств на мировой арене, превращая здравоохранение в один из важных аспектов международных отношений.

Хотя вакцинная дипломатия не имеет универсального определения, учёные широко используют этот термин для описания реализации внешнеполитических целей стран, поставляющих вакцины. Вакцинная дипломатия становится инструментом для страны, позволяющим проводить свою внешнюю политику систематическим образом путём расширения межправительственного взаимодействия. Однако содержание вакцинной дипломатии, наблюдавшийся во время пандемии COVID-19, сильно различалось в разных странах, поскольку, как отмечает И.И. Арсентьева, «многие государства, прибегающие к использованию медицинской дипломатии, предпочитают действовать на двустороннем уровне, минуя уровень глобальных механизмов или участвуя в них формально» [5, с. 190].

В то время как США и большинство западных стран предпочитали делиться вакцинами со своими странами-партнёрами только после того, как они убедились, что их внутренние потребности будут удовлетворены, Китай и Россия, по-видимому, сыграли ключевую роль в обеспечении глобального равенства в отношении вакцин, помимо удовлетворения собственных внутренних потребностей.

Вакцинная дипломатия России и Китая. Оригинальным инструментом реализации политики «мягкой силы» Китая стала так называемая вакцинная дипломатия, значение которой стало очевидно в период коронавирусной пандемии 2020–2021 гг.

Итогом пандемии, охватившей всю планету, стало стремление ведущих государств современности к разработке собственных вакцин. С течением времени перед странами-производителями вакцин встал вопрос об их экспорте в другие государства, не обладающие возможностями производства данных фармацевтических средств.

В попытке бороться со смертельной болезнью страны по всему миру ввели приостановку поездок, в том числе ограничения на трансграничные поездки, и карантин по всей стране. Однако по мере ослабления ограничений мир стал свидетелем быстрого роста числа случаев заражения новыми вариантами вируса. В то время как политику ограничений теперь избегают по экономическим причинам, страны в настоящее время стремятся создать «коллективный иммунитет» с помощью вакцин, которые были предоставлены несколькими государствами-производителями. Среди них Китай стремился играть ведущую роль, разрабатывая и массово производя местные вакцины.

Будучи первой страной, испытавшей на себе разрушительные последствия COVID-19, Китай начал разработку вакцины ещё в январе 2020 г., хотя китайское руководство и избегает «употреблять термин “вакцинная дипломатия” во избежание обвинений в стремлении расширить своё политическое влияние в мире» [6, с. 78]. Министерство науки и технологий КНР спонсировало пять технологических дорожных карт и поддержало двенадцать компаний-кандидатов на разработку вакцины, в число которых входили не только гиганты частного сектора, но и начинающие стартапы. Эти предприятия также в значительной степени выиграли от этой модели сотрудничества с правительством благодаря необходимому финансированию и выделению ресурсов. Например, Целевой группе по борьбе с COVID-19, в состав которой входят представители Национального управления по лекарственным средствам и других ведомств, было поручено направлять программу разработки местных вакцин путём координации и сотрудничества с многочисленными заинтересованными сторонами для ускорения исследований вакцин и их утверждения на рынке.

Успех этого предприятия можно видеть на примере разработки четырёх вариантов вакцин, доступных в Китае: BBIBP-CorV от Sinopharm и Китайской академии наук, CoronaVac от SinovacBiotec, Convidecia от CanSinoBOP и Академии военных-медицинских наук и ZF2001 от ZhifeiLongcom и Китайской академии наук. Некоторые государства-импортёры Азиатско-Тихоокеанского региона предпочитают китайские инактивированные вакцины из-за их конкурентоспособной стоимости и более лёгкой логистики, учитывая их географические особенности, такие как тропическая жара, расстояние и нехватка ультрахолодильных камер. Например, когда Индонезия заявила о логистических проблемах, с которыми она сталкивается из-за вакцины от Pfizer, Китай быстро вмешался и экспортировал четыре миллиона вакцин Sinovac, чтобы страна начала свою программу прививок. В октябре 2021 г. компания Sinovac направила в Таиланд 6 млн доз вакцин, что позволило стране развернуть вакцинацию раньше, чем планировалось [7, с. 53].

Масштабная переориентация международных связей Российской Федерации после украинского кризиса 2014 г., а впоследствии после начала специальной военной операции на территории Украины, концептуализирована в виде стратагемы «Поворота на Восток», которая предполагает усиление геополитического присутствия страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе за счёт расширения политико-экономических связей с Китаем и другими государствами региона. Укрепление политической мощи современной России как политико-экономической доминанты нового миропорядка провоцирует рост тревожно-негативного восприятия её усиливающихся позиций элитами западных государств, что обуславливает акцентированное внимание руководства Российского государства к активизации усилий по использованию ресурсов политики «мягкой силы» в целях формирования благоприятного отношения к стране у зарубежной аудитории.

Российская дипломатия в области вакцин, по понятным причинам, привлекла большое внимание в Африке. Регистрация первой в мире вакцины против COVID-19 и заявленная готовность помогать – иногда в тандеме с Китаем – тем развивающимся странам, которыми пренебрегает Запад, представляют собой потенциально сильный источник «мягкой силы». Для того чтобы этот инструмент «мягкой силы» заработал, должны быть достигнуты цели по производству и доставке Спутника V. Однако это также зависит от позитивного взаимодействия России с национальными и международными регулирующими органами. Кроме того, необходимо чётко определить границы между пожертвованиями вакцин и коммерческими продажами.

Вакцинная дипломатия России стала одним из ведущих инструментов публичной дипломатии в условиях пандемии COVID-19. Россия разработала несколько вакцин, наиболее известными из которых являются «Спутник V» и «ЭпиВакКорона». Вакцина «Спутник V», созданная НМИЦ имени Гамалеи, стала первой зарегистрированной вакциной против коронавируса в мире. Её создание помогло вернуть России «утраченную былую славу великой научной державы, продемонстрировать её высокую конкурентоспособность в фармацевтической отрасли» [8, с. 76].

В рамках своей вакцинной дипломатии Россия активно поставляла вакцины в различные страны, продвигая идеи международного сотрудничества и солидарности. Вакцины были отправлены в страны Латинской Америки, Африки, Азии и Европы, включая такие государства, как Аргентина, Сербия, Индия, Белоруссия и многие другие. Россия стремилась получить признание своих вакцин в таких организациях, как Всемирная организация здравоохранения, и активно сотрудничала с регуляторными органами других стран. В результате вакцина «Спутник V» получила разрешения на использование в ряде стран, и процесс её регистрации в Европе и других регионах продолжается.

Юго-Восточная Азия является ключевой целью для китайской вакцинной дипломатии. Все страны региона либо купили, либо получили в дар вакцины

китайского производства. В совокупности страны Юго-Восточной Азии заказали около 203 млн вакцин китайского производства, что составляет 25,6 % от коммерческих обязательств Китая по вакцинам. Китайская сторона, производя собственные вакцины, к маю 2021 г. заключила соглашения о производстве более 260 млн доз российской «Спутник V» [9, с. 193].

Кроме того, в отличие от других поставщиков вакцин, Китай является единственным источником регулярных поставок вакцин в достаточных количествах и на сегодняшний день выполнил около 58 % заказов региона. Например, Камбоджа с февраля 2021 г. ежемесячно получает китайские вакцины. Эти регулярные поставки позволили Камбодже привить 16,6 процента своего населения, по крайней мере одной дозой, уже к началу июня 2021 г., что делает её второй страной по уровню вакцинированности населения в регионе после Сингапура.

Хотя Китай является основным источником вакцин для многих стран региона и имеет преимущество первопроходца в плане регулярных поставок, он не обладает монополией на поставки вакцин в регион. Российский фонд прямых инвестиций подписал соглашения с несколькими китайскими производителями о выпуске двух российских вакцин – «Спутник V» и «Спутник Лайт» [10, с. 34].

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона стремились обезопасить свой выбор вакцин путём диверсификации числа поставщиков. Решения о закупках в регионе в большей степени мотивированы необходимостью обеспечить население как можно большим количеством доз собственных вакцин, а не преобладающим предпочтением китайских вакцин. Китай активно продвигает свои вакцины в качестве глобального общественного блага, подчёркивая их доступность для развивающихся стран. Данная стратегия направлена на устранение структурного дисбаланса в доступе к иммунизации, предотвращая отставание экономически уязвимых государств от развитых стран. Успех китайской вакцинной дипломатии стал возможным благодаря концентрации западных государств на решении внутренних задач. Это позволило Китаю укрепить свои позиции в глобальной системе здравоохранения, используя кризис как возможность для расширения влияния через механизмы мягкой силы.

Заключение

Последовательное расширение практики использования инструментов политики «мягкой силы» отражает общий тренд современного развития мирового политического процесса, содержание которого составляет отказ государств от использования средств насильственного воздействия в целях достижения своих национальных интересов. Инструментарий политики «мягкой силы» предполагает возможность информационно-культурного воздействия государством-интересантом на зарубежную аудиторию для формирования благоприятного к себе отношения с целью

обеспечения политически выгодного результата. Политика «мягкой силы» реализуется посредством функционирования развёрнутой системы социальных политических институтов, выступающих в качестве каналов формирования привлекательного облика государства-интересанта в глазах зарубежной аудитории посредством трансляции аутентичных ценностей и культурных продуктов.

Относительно новым инструментом реализации политики «мягкой силы» Китая и России стала т.н. вакцинная дипломатия, набравшая обороты в период коронавирусной пандемии 2020–2021 гг. Стратегическое взаимодействие Китая и России с разными странами Глобального Юга различается, причём с некоторыми странами такое взаимодействие становится всё более и более интенсивным. Для вакцинной дипломатии России и Китая характерна поддержка атмосферы конструктивного сотрудничества и укрепление стабильности в странах Глобального Юга, в том числе в фармацевтической сфере, где потенциальные риски и региональные угрозы значительно возросли в последнее время.

Вакцинная дипломатия России и Китая столкнулись с несколькими серьёзными проблемами. Во-первых, потребность в вакцинации, как правило, возрастает только в периоды пандемий, что ограничивает устойчивый спрос на вакцины в другое время. Во-вторых, со стороны западных государств и их институтов наблюдалось активное противодействие инициативам России и Китая в области вакцинной дипломатии. Западные страны проявляли недоверие к российским и китайским вакцинам. Поэтому необходимость сотрудничества России и Китая становится особенно актуальной в свете противодействия со стороны западных государств. Совместные усилия в сфере вакцинной дипломатии могут укрепить позиции обеих стран на международной арене, стать катализатором для улучшения механизмов распространения вакцин.

Список источников

1. Бобылев С.Н. Устойчивое развитие в интересах будущих поколений: экономические приоритеты // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 90–96.
2. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 212–223. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>
3. Маслова К.В. «Мягкая сила» России в Центральной Азии в контексте борьбы с пандемией коронавируса: может ли «вакцинная дипломатия» завоевать «умы и сердца»? // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 6. С. 531–536.
4. Соколова Ю.Д. Вакцинная дипломатия как инструмент современных международных отношений (на примере России и стран Восточной Европы) // Панорама. 2021. № 41. С. 37–45.

5. Арсентьева И.И. Трансформация медицинской и вакцинальной дипломатии в эпоху Covid-19 // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15, № 5. С. 182–207. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207>
6. Рогожина Н.Г. Масочная дипломатия Китая в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 1, № 1 (50). С. 73–81. DOI: <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-073-081>
7. Медовкина Л.Ю., Мнухина Р.М. Роль «вакцинальной дипломатии» во внешней политике Китайской Народной Республики // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2022. Т. 40. С. 48–55. DOI: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.48>
8. Черкашина Т.Н. «Вакцинальная дипломатия» как фактор международного ландшафта и её значение для России // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10, № 3 (39). С. 74–80.
9. Сафронова Е.И. Китайско-латиноамериканские отношения в контексте пандемии Covid-19 // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26, № 26. С. 179–199.
10. Инь С. Российско-китайские двусторонние отношения на фоне перехода от стратегии «Поворот на Восток» к концепции «Большая Евразия» // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 5 (118). С. 32–37.

References

1. Bobylev S.N. Ustoichivoe razvitie v interesakh budushchikh pokolenii: ekonomicheskie priority [Sustainable development in the interests of future generations: economic priorities]. *Mir novoi ekonomiki*, 2017, no. 3, pp. 90–96.
2. Lebedeva M.M. «Myagkaya sila»: ponyatie i podkhody [Soft power: the concept and approaches]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, no. 3 (54), pp. 212–223. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>
3. Maslova K.V. «Myagkaya sila» Rossii v Tsentral'noi Azii v kontekste bor'by s pandemiei koronavirusa: mozhnet li «vaktsinnaya diplomatiya» zavoevat' «umy i serdtsa»? [Russia's «Soft power» in Central Asia in the context of the fight against the coronavirus pandemic: can «vaccine diplomacy» win «minds and hearts»?]. *Postsovetskie issledovaniya*, 2021, vol. 4, no. 6, pp. 531–536.
4. Sokolova Yu. D. Vaktsinnaya diplomatiya kak instrument sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii (na primere Rossii i stran Vostochnoi Evropy) [Vaccine diplomacy as a tool of modern international relations (on the example of Russia and Eastern European countries)]. *Panorama*, 2021, no. 41, pp. 37–45.
5. Arsent'eva I.I. Transformatsiya meditsinskoi i vaktsinnoi diplomatii v epokhu Covid-19 [Transformation of medical and vaccine diplomacies in the Covid-19 era].

Vestnik MGIMO-Universiteta, 2022, vol. 15, no. 5, pp. 182–207. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207>

6. Rogozhina N.G. Masochnaya diplomatiya Kitaya v stranakh Yugo-Vostochnoi Azii [The mask diplomacy of China in Southeast Asia]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2021, vol. 1, no. 1 (50), pp. 73–81. DOI: <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-073-081>

7. Medovkina L. Yu., Mnuhina R.M. Rol' «vaksinnoi diplomatii» vo vneshnei politike Kitaiskoi Narodnoi Respubliki [The role of «vaccine diplomacy» in the foreign policy of the People's Republic of China]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 2022, vol. 40, pp. 48–55. DOI: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.48>

8. Cherkashina T.N. «Vaktsinnaya diplomatiya» kak faktor mezhdunarodnogo landshafta i ee znachenie dlya Rossii [“Vaccine diplomacy” as a factor of the international landscape and its significance for Russia]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, 2023, vol. 10, no. 3 (39), pp. 74–80. DOI: [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10\(3\).74-80](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10(3).74-80)

9. Safronova E.I. Kitaisko-latinoamerikanskije otnosheniya v kontekste pandemii Covid-19 [Sino-Latin American relations in the context of the Covid-19 pandemic]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*, 2021, vol. 26, no. 26, pp. 179–199. DOI: <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-179-199>

10. In' S. Rossiisko-kitaiskie dvustoronnie otnosheniya na fone perekhoda ot strategii «Povorot na Vostok» k kontseptsii «Bol'shaya Evraziya» [Russian-Chinese bilateral relations against the background of the transition from the “Turn to the East” strategy to the “Greater Eurasia” concept]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2023, no. 5 (118), pp. 32–37. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2023.5.4>

Информация об авторах / Information about the authors

А.Д. Наливкина – аспирант факультета международных отношений и политических исследований, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация),

✉ nalivkinaad@yandex.ru

A.D. Nalivkina – Postgraduate Student of the Faculty of International Relations and Political Studies, North-West Institute of Management RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 25.01.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;

принята к публикации / accepted 02.03.2025.